

Парень из Буффало-Ридж

Александр Дари

Александр Дари

Парень из Буффало-Ридж

<https://litres.ru/74366182>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Парень из Буффало-Ридж» — захватывающий вестерн о жажде справедливости и цене возмездия.

На фоне величественных пейзажей разворачивается история городка Буффало-Ридж — места, где закон часто уступает силе, а человеческая жизнь стоит не дороже пули.

Автор мастерски воссоздаёт атмосферу Дикого Запада: опасные засады и зрелищные перестрелки прописаны с кинематографичной точностью — словно каждая сцена снята в духе культовых вестернов Сэма Пекинпа.

Книга придётся по душе поклонникам вестерна и динамичных приключенческих историй — всем, кто ценит дух свободы, напряжённый сюжет и суровую романтику Дикого Запада.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Парень из Буффало-Ридж

Глава 1

Представьте себе бескрайние равнины, раскинувшиеся до самого горизонта, — здесь воздух настолько прозрачен, что кажется можно рукой дотянуться до бездонного голубого неба. Даже в самый жаркий полдень небо ослепляет своей первозданной чистотой: оно такое безудержно светлое, что взгляд невольно теряется в его безграничной синеве. Широкие просторы уходят вдаль, растворяясь в дрожащем мареве летнего зноя, — будто сама земля дышит в такт раскалённому воздуху.

Взгляните на запад: у подножия суровых, величественных гор, берут начало чистые, как слеза, горные реки. Они пробивают себе путь сквозь каньоны и овраги, с грохотом и пеной срываясь по уступам, чтобы дальше, на равнине, слиться с широкими, неторопливыми потоками. Их воды, бурлящие и неукротимые, словно живые существа, несут в себе силу и энергию горных вершин, а потом, смиряя свой бег, обретают спокойствие равнинных просторов. Так рождается гармония двух миров — дикой горной мощи и безмятежной шири степей.

Когда-то эти земли были домом для могучих стад бизо-

нов: их тёмные силуэты величественно вырисовывались на фоне закатного неба, превращая степь в живое полотно. По ночам тишину нарушало лишь мелодичное пение ночных цикад да протяжные крики койотов, эхом разносившиеся по округе и терявшиеся, где-то за горизонтом. Сама природа здесь говорила на своём древнем языке — языке ветра, воды и бескрайнего неба. Время не пощадило первозданную тишину этих мест. Земли теперь изрезаны следами цивилизации.

Посмотрите на восток, где равнина встречается с возвышенностью: среди неприступных скал и глубоких ущелий пролегла железная дорога. Она, словно стальная стрела, прорезает этот суровый, но прекрасный край, соединяя его с остальным миром. Это символ прогресса и неизбежных перемен — дорога, которая приносит новые возможности, но навсегда меняет облик древней земли.

Между цепью гор и стремительной рекой, на землях, где когда-то кочевали мудрые и отважные шайены, теперь стоит небольшое поселение — Буффало-Ридж. Народ шайенов давно покинул эти места, уйдя далеко на север, к далёким, заснеженным вершинам, и теперь лишь едва уловимые отголоски их преданий витают в воздухе, смешиваясь с шелестом травы и рокотом воды.

У горной реки, где вода с рёвом несется по камням, на кромке берега раскинулся лагерь старателей. Палатки из гру-

бого брезента и самодельные навесы жались к скалам, будто искали у них защиты от порывистого ветра. Между ними вились узкие тропинки, протоптанные в гальке и жёсткой траве, а кое-где землю устилал разбросанный хворост и сухая трава — чтобы ноги не мерзли по утрам. Чуть поодаль, под навесом из потемневшего от дождей полотна, натянутого на грубо обтёсанные столбы, готовился ужин: над тлеющими углями висел закопчённый котёл, и густой аромат оленины с луком плыл над лагерем, перебивая запах сырости и мокрого камня. Рядом притулилась самодельная полка из досок, на которой теснились жестяные банки, пучки сушёных трав и стопка помятых жестяных тарелок.

В центре лагеря чернело место для костра — круг из обгоревших валунов, внутри которого ещё тлели угли от вчерашнего огня. Вокруг него валялись перевернутые ящики, служившие сиденьями, да пара грубо сколоченных табуретов. Тут же, прислонённый к камню, стоял старый медный чайник с отбитым носиком, а неподалёку сушились на верёвке промокшие рукавицы и потрёпанные шарфы. По краям лагеря виднелись приметы старательского быта: лотки для промывки золота, кирки, лопаты, чьи рукоятки были отполированы ладонями до шелковистого блеска. У одной из палаток громоздилась груда мешков и свёртков, а рядом на колышке висел жестяной фонарь — его тусклое стекло было покрыто сеткой мелких трещин.

Солнце палило так, что казалось, само небо решило вы-

жечь долину дотла. На берегу реки, в зыбкой тени рваного брезентового навеса, гнули спину двое приятелей. Джон Макбери — бывалый вояка ирландских кровей — двигался с той собранной сдержанностью, какая бывает у людей, привыкших к опасности. Рядом с ним склонился над лотком Сэм — постаревший старатель, чьё лицо было изрезано морщинами, точно карта забытых троп. В его глазах ещё тлел азарт былых лет, но руки уже не так уверенно держали лоток, а спина всё чаще ныла от вечной склонённости над водой.

Джон работал усердно, что казалось от каждого движения зависела его жизнь — а может, так оно и было на самом деле. Он зачерпывал лопатой тяжёлый, мокрый песок, швырял его в широкий сколоченный лоток, стоявший неподалеку, а потом пускался в эту бесконечную, выматывающую душу пляску: крутил лопатой, промывал мутную воду — и снова накидывал.

Сэм стоял неподалеку, держал в руках лоток поменьше. Песок струился сквозь пальцы вместе с водой, обнажая тёмные, неподатливые крупинки простой каменной породы. Река не спешила отдавать свои тайны. Сэм прищурился, пытается разглядеть в этой мутной воде крупинцы золота.

— Не густо нынче, — проворчал он, не поднимая глаз. Голос у него был хриплый, словно его когда-то опалило дымом и так и не вылечило временем.

— Ещё немного, Сэм, — хрипел Макбери, вытирая рукавом лицо, покрытое коркой из пыли и пота.

— И что в результате: пара золотых пылинок за день? Клянись, я рухну прямо здесь.

Солнце клонилось к закату, окрашивая скалы в багряные тона. Старатели направились в лагерь на берегу. Джон Макбери, закончив работу, замер у кромки реки, опустив натруженные руки, подумав о доме, о семье. Прошное накатило на него тяжёлой волной — так же неукротимо, как бурлящий поток перед ним.

Перед глазами встало их ранчо — когда-то гордое и крепкое, а теперь словно постаревшее раньше времени. Покосившийся забор - ссутулившийся под тяжестью невзгод. Крыша амбара, местами прогнившая, с тёмными пятнами сырости. Поля, которые ещё несколько лет назад радовали глаз золотистыми колосьями, теперь выглядели уныло: земля истощилась, её скудные дары едва покрывали нужды семьи. В воздухе витал запах сена и конского пота.

Мэри стояла у порога, в застиранном, выцветшем платье. Её руки, привыкшие к труду, были сложены перед собой, а в глазах читалось волнение.

— Джон, я собрала несколько початков кукурузы да горсть бобов — всё, что удалось спасти с наших грядок. Ещё прихватила пару тыкв, но они мелкие, едва ли с кулак. Если так пойдёт и дальше, мы не сможем прокормить себя до зимы... А ведь скоту тоже нужно что-то есть.

Джон вошел в дом и подошел к жене. В его глазах читалась тревога за будущее семьи.

— Я долго думал, Мэри. Пришло время решиться. Я подумываю отправиться на старый прииск. Говорят, там всё ещё можно найти удачу.

— Отец! А как же ранчо? Кто будет помогать нам с хозяйством?

Келвину было пятнадцать, но в тот день он казался старше своих лет. Стоял чуть позади матери. В его взгляде мелькала обида — ведь отец оставлял их одних.

— Ранчо в упадке. Если я не попробую, мы потеряем всё. Это наш последний шанс. Помнишь, я рассказывал тебе о золотых приисках? — обратился Джон к сыну. - Там можно заработать достаточно, чтобы купить новую землю и начать всё сначала.

— Но ведь не все находят золото...

— Да, Мэри, да. Это правда. Но удача может улыбнуться и нам.

Мэри подошла ближе, её лицо выражало и страх, и решимость.

— Будь осторожен, Джон. Мы будем ждать тебя здесь и молиться, чтобы удача была на твоей стороне. - Её голос, хоть и дрожал, звучал твёрдо, когда она прощалась с ним.

— Спасибо, Мэри. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Джон собрал пожитки, обдумывая каждую вещь, чтобы лишнего не тащить, взял ружье, оглядел семью. Он глубоко вздохнул, чувствуя тяжесть решения на своих плечах. Зав-

тра его ждёт долгий путь к приискам. В этих суровых краях только самые отважные находили своё счастье. Выходя из дома, он обнял их и сказал, обращаясь к сыну:

— Кэл, помогай матери, береги её. — и шагнул к лошади.

Здесь у горной реки вдали от родного ранчо, образы близких для старшего Макбери стали опорой. Памятью о себе они напоминали, ради чего он здесь.

— Джон, мы готовим ужин. Ты с нами? — к нему подошёл помощник шерифа Томас. Они были приятелями и с давних пор знали друг друга — вместе служили в армии, когда были моложе. В те годы не раз выручали друг друга: Джон прикрывал Томаса в самых жарких переделках, а Томас потом вытаскивал Джона из передраг, в которые тот вечно попадал из-за своего вспыльчивого характера. С тех пор между ними и завязалась крепкая дружба.

Добродушный Томас оказался здесь по долгу службы. Он стал помощником шерифа после армии — и согласился почти сразу, едва услышав предложение. Томас был человеком простым, без особых амбиций, и мысль о долгих поисках другой работы его совсем не радовала. Куда проще принять то, что само идёт в руки. Он редко вмешивался в дела прииска, да и вмешиваться было особо не во что — здесь царили свои законы, суровые и простые: работай пока не упадёшь или уходи. Но присутствие его в лагере напоминало, что есть хоть какой-то законный порядок. Иногда он подходил к Макбери и Сэму, молча наблюдал за их работой, шу-

рять от солнца.

— Тяжёлый день, — сочувственно продолжил Томас.

— Да уж, — ответил Макбери, поднимая лоток и забирая с собой лопату.

Оба направились под навес, где готовился ужин. Расселись у костра. Старый Сэм помешивал варево в закопченном котле, время от времени пробуя похлёбку длинной деревянной ложкой. Долговязый МакГрейвз устало опустил на чурбан рядом с костром и принялся растирать ноющие плечи, время от времени бросая короткие взгляды на кипящий котёл. Юный Билли, не в силах усидеть на месте, суетливо подтаскивал к огню сухие ветки, стараясь держаться поближе к старому Сэму — ему хотелось во всём ему помогать и не пропустить ни единого совета бывалого старателя.

Дни сливались в один бесконечный, серый поток. Жара сменялась ветром, который швырял песок в глаза, заставляя слезиться. Прииск давал возможность жить и сулил немало денег, но золота было мало, так мало, что многие разочаровались и ушли. В их лагере осталась небольшая горстка — человек шесть.

Макбери не начинал день, пока не проверит ружьё. Неторопливо протянув руку к углу палатки, он нащупал завернутое в кусок ткани оружие. Обхватив приклад, Макбери развернул ружьё и привычно проверил затвор.

В этих диких местах утро могло подкинуть что угодно: шайки разбойников легко могли появиться в любой момент.

Убедившись, что ружьё в порядке, он взял лопату с лотком и отправился на прииск.

Вода шумела рядом, обтекая камни, подбадривая его своим неумолчным говором. Старый Сэм, ссутулившись, как обычно ворошил лоток, пытаясь поймать крупицу удачи. Его руки, покрытые сетью старых шрамов и трещин, уже почти не чувствовали тяжести, а в груди поселилось то самое горькое чувство, когда надежда становится привычкой, а не верой. В тот день всё шло как всегда — монотонно, тяжело, безнадёжно. Джон выгребал лопатой куски породы, почти машинально поддел следующий пласт, как вдруг лопата споткнулась обо что-то твёрдое — не о камень, который бы просто скользнул в сторону, а о нечто неподатливое. Джон наклонился, отбросил лопату и принялся разгребать влажную породу руками. Пальцы наткнулись на что-то гладкое, непривычно тяжёлое.

Сэм поднял голову, прищурился, будто пытаясь прочесть в лице Джона ответ, прежде чем тот его произнесёт.

— Что там? — хрипло спросил Сэм, откладывая лоток в сторону.

Джон наклонился, счистил налипшую глину, обнажая неровную поверхность валуна, и замер: это был огромный кусок породы, пронизанный золотистыми прожилками, а сбоку из неё выступал тяжёлый, тускло поблескивающий самородок.

— Золото, — выдохнул он, не веря собственным глазам.

Сэм медленно опустился на колени, взял кусок породы, поднёс к глазам. Жёлтые прожилки змеились по тёмному камню. Река наконец решила раскрыть свою тайну. Губы его дрогнули в улыбке, которую он не позволял себе уже много месяцев.

— Ну что ж, — прошептал Сэм, — похоже, удача наконец повернулась к нам лицом. В его глазах мелькнуло что-то радостное — не просто надежда, а предчувствие перемен к новой жизни.

Джон уже копал дальше, с новой силой, с новой жадой, будто боялся, что чудо исчезнет, стоит ему остановиться. Сэм наблюдал за ним, и в груди у него разгорался тот самый огонь, который, как он думал, давно погас. То тут, то там и другие старатели находили золото.

Так, в один миг, серый поток дней разорвался ослепительной вспышкой — группа старателей напала на золотую жилу. За пару дней этот участок реки перекопали. Берег, прежде ровный и плавный, теперь тонул в грудах вынудой глины. Разбросанные лопаты и лотки наполовину утопали в грязи. Землю здесь вывернули наизнанку — словно какой-то исполин в ярости порвал её когтями. Каждый радовался тому, что смог добыть в общий доход: МакГрейвз — самородку размером с ноготь, его приятель Харви, не веря своему счастью, сгребал в мешки песок, сверкавший золотыми искрами. Старый Сэм, прокопчённый солнцем, помогал Джону. А юный Билли, едва успевший сменить отцовский револьвер

на кирку, метался от ямы к яме, боясь упустить хоть крупинку этого внезапного богатства. Золотой песок засыпали в мешочки, самородки отдельно складывали в подсумки.

В последующие дни, вниз по течению россыпи не находили — ни крупинки, ни намёка на блеск среди комьев глины. Старатели устало снимали пласт за пластом, но река хранила молчание. Лишь изредка кто-нибудь вздыхал, вытирая рукавом мокрое от брызг лицо.

— Ладно, — сказал МакГрейвз, отбрасывая лопату в сторону и вытирая платком пот с лица. — Довольно с меня. Тут больше нечего искать. Беру свою долю и возвращаюсь в посёлок.

— До посёлка три дня пути, а ты уверен, что в дороге не встретишь пару-тройку горячих голов, которым убить человека раз плюнуть? — заметил Джон, хмуро поглядывая на горизонт, где солнце уже клонилось к закату.

— Про наш прииск знают. В этих краях золото — как кровь для волка: чуют за версту.

— У меня есть ружье, — гордо ответил МакГрейвз.

— И что? Один ствол против шайки — это не защита.

— Вместе нужно держаться. Так надёжнее, — заметил Сэм.

— Мы же не можем просто бросить все тут — все наши вещи, телеги, лошадей? — спросил Билли, — как тогда мы привезем золото?

— Золото-то мы нашли, но радости от него мало, если

до города не довезём, — добавил Сэм и провёл ладонью по щетине.

— С такой поклажей выйдет все пять дней пути, — буркнул подошедший Томас.

— Давайте отправим Томаса. - Сэм скрестил руки на груди и прищурился, будто взвешивая слова. - Пусть приведёт подмогу — с ними нам будет спокойнее возвращаться.

— Верно, Сэм.

— Томас - помощник шерифа. — сказал МакГрейвз, подтягивая подпругу на своей лошади, - ему будет проще договориться. Я дам ему свою гнедую — лучшую в округе. Если поедет сейчас - будет в городе через день - два, а через пять вернётся с подмогой.

Макбери молчал, глядя на тяжёлые мешки с поклажей и с золотым песком, потом на товарищей.

— Пусть едет, — выдохнул он.

Сэм усмехнулся и хлопнул его по плечу. Затем достал флягу и протянул Томасу.

— Вот, возьми. Объем не большой, но до поселка хватит. И держи револьвер заряженным.

Томас взял флягу, сунул её в седельный мешок, проверил кобуру и, не оглядываясь, пришпорил лошадь. Пыль взметнулась из-под копыт, и вскоре его фигура растворилась в золотистом свете заката.

Сэм проводил его взглядом и повернулся к товарищам.

— Теперь главное — продержаться эти дни.

МакГрейвз мрачно кивнул, поправляя шляпу.

Джон Макбери тихо произнес, оглядывая лагерь:

— Лишь бы никто не понял, что мы тут золото нашли.

Иначе эти дни для нас покажутся вечностью.

Пока старатели на прииске с тревогой ждали возвращения Томаса, сам он мчался по пыльной дороге, подгоняя гнедую лошадь МакГрейвза. Два дня пути пролетели незаметно. Ветер свистел в ушах. Солнце безжалостно палило, но Томас не позволял себе сбавить темп. Он понимал: время работает против них. Каждый час промедления мог стоить старателям жизни. Наконец, впереди показались очертания города. Дома, салуны, лавки — всё казалось таким обыденным, почти мирным. Томас спешил к зданию шерифской конторы, привязал скакуна и решительно направился внутрь. Впереди его ждал непростой разговор, от которого зависели жизни его друзей.

Глава 2

Солнце уже было в зените, когда Томас поднялся к шерифу. Двухэтажное здание шерифской конторы стояло на главной улице городка между торговыми лавками и почтовой конторой. Потемневшие от времени доски, выцветшая вывеска с полустёртой надписью «Sheriff's Office» и широкая веранда с покосившимися перилами придавали строению вид усталого, но всё ещё гордого стража порядка. Тени от перил ложились на доски косыми полосами, а в приоткрытом окне второго этажа лениво шевелилась занавеска.

На первом этаже располагался офис приёма — просторное помещение с высоким потолком, где пахло пылью, табачным дымом и старым железом. У входа, сразу за скрипучей дверью, стояла массивная стойка из грубо обтёсанного дерева — за ней служитель правопорядка принимал жалобы горожан и заносил сведения в потрёпанный журнал. На стене висели объявления о наградах за поимку преступников: выцветшие листы с расплывшимися чернилами, пришпиленные гвоздями и кнопками. В углу тихо тикали тяжёлые напольные часы, их мерный ход словно отсчитывал секунды до очередной заварушки.

Рядом с приёмной находилась камера для заключения под стражу — небольшая, но надёжная. Толстые железные прутья

тъя, почерневшие от времени, отделяли её от остального помещения. Внутри — узкая скамья из необработанных досок и ведро в углу. Пол был усыпан соломой, которая не столько смягчала жёсткость места, сколько впитывала влагу и запахи. Дверь камеры запиралась на тяжёлый навесной замок, а ключ всегда хранился у шерифа — или у его доверенного помощника, если сам шериф был в отъезде.

Лестница на второй этаж вела прямо из приёмной — крутая, узкая, с потёртыми ступенями, которые предательски скрипели при каждом шаге. Наверху, на втором этаже, размещалась собственно контора шерифа: небольшое, но светлое помещение с двумя окнами, выходящими на улицу и на задний двор. Здесь стоял тяжёлый дубовый стол, заваленный бумагами, картами местности и папками с делами. На стене — винтовка на крюке и пара револьверов в кобурах, всегда под рукой. В углу притулился старый сейф с облупленной дверцей — в нём хранились важные документы и изъятое оружие. У окна — кресло с продавленной обивкой, в котором шериф нередко засыпал после долгих дежурств.

С заднего двора к зданию примыкал небольшой навес, где держали лошадей и хранили снаряжение. Оттуда же вела неприметная дверь — запасной выход на случай, если кому-то придётся покинуть контору быстро и незаметно.

Весь облик конторы говорил о том, что здесь привыкли к делу, а не к парадности: всё было рассчитано на практичность и деловитость.

Пыльные лучи косо падали в окно кабинета шерифа Баббита, подсвечивая клубы табачного дыма, висевшего в воздухе, в тот момент, когда Томас поднялся на второй этаж. Приоткрытая занавеска пропускала солнечный свет в половину окна. Светлые лучи падали на потёртую кожу кресел, на стопки бумаг, на серебряный значок шерифа, тускло поблёскивавший на груди. В тесном помещении пахло табаком, старым деревом и чем-то кислым — то ли пролитым виски, то ли годами копившейся усталостью.

Томас, грузный, с округлым лицом, в котором читалась доброта, слегка наклонился вперёд, упираясь ладонями в край стола. Его шляпа лежала рядом, поля помяты от долгой дороги. Он говорил тихо, но настойчиво:

— Шериф, я понимаю, что у вас забот хватает, но эти люди... они не бандиты, не головорезы. Это простые старатели. Я бок о бок с ними несколько месяцев прожил, видел, как они спину гнули, как в ледяной воде золото мыли. Теперь у них есть груз — и немалый. А дорога до города — как ловушка: каньоны, перевалы, места, где тень сама по себе кажется угрозой. Прошу, дайте хоть двоих ребят, пусть поедут с обозом. Хоть какое-то будет прикрытие.

Шериф Баббит нервно поправил значок. Его лицо, худое и острое, дёрнулось в едва заметной гримасе. Он не смотрел Томасу в глаза — водил взглядом по столу, перебирал какие-то бумажки, как будто искал там ответ, который ему уже был известен.

— Людей не хватает, Томас, — произнёс он чуть резче, чем следовало. — У меня тут не армия, чтобы каждого старателя по дороге сопровождать. Да и зачем? Они сами себе хозяева. Если золото добыли — значит, и защитить сумеют. У них кирки, лопаты, да и ружья кое у кого найдутся.

Томас чуть нахмурился, но голос его остался мягким:

— Ружья — это одно, а банда Слотера — совсем другое. Вы же сами знаете, что они рыщут по этим тропам, как волки. Старатели не воины, шериф. Они привыкли землю копать, а не стрелять.

Баббит наконец поднял глаза — в них мелькнуло что-то холодное, расчётливое. Он откинулся на спинку стула, и тот жалобно скрипнул.

— Томас, — протянул он, растягивая слова, словно пробуя их на вкус, — ты слишком переживаешь. У меня мало людей и они мне нужны здесь в городе.

— Я должен вернуться, — твёрдо сказал он. — Там Джон Макбери, не могу я его бросить.

— Может, тебе вообще не стоит туда возвращаться? Дорога долгая, опасная... Кто знает, что там случится. Так что... не спеши.

В этих словах прозвучал не совет, а едва прикрытый намек. Томас почувствовал, как внутри что-то сжалось, но он постарался не подать виду.

Шериф помолчал, потом медленно выдвинул ящик стола. Томас напрягся. Баббит достал деньги, скрученные в тугой

рулон, и положил его на стол, подтолкнув к Томасу.

— Возьми, — коротко бросил он. — На дорогу... но только выезжай через пару дней. Считай это благодарностью за то, что не лезешь, куда не надо.

Томас замер, глядя на рулон. Внутри что-то шевельнулось — обида, гнев, но тут же угасло, сменившись усталостью и какой-то тихой покорностью. Он был человеком мягким, не привыкшим к резким отказам, к открытой вражде. И сейчас ему казалось, что проще взять деньги, уйти, а потом уже решать, как быть дальше.

Он медленно протянул руку и взял тугой рулон, чувствуя, как бумага холодит пальцы.

Баббит едва заметно усмехнулся — не добро, а скорее с облегчением.

— Вот и славно, — кивнул он. — Главное — не торопись. Пусть всё идёт своим чередом.

Томас надел шляпу, кивнул и вышел из кабинета, оставив за спиной запах табака, старого дерева и чего-то неуловимо гнилого, что витало в воздухе — не от вещей, а от слов, от взглядов, от самой атмосферы этого места. На улице солнце било в глаза, и Томас на мгновение зажмурился, будто пытаясь стряхнуть с себя липкую паутину только что состоявшегося разговора. Деньги тяжело лежали в кармане, напоминая о том, что мир устроен не так просто, как хотелось бы. Томас направился в салун, чтобы утопить в виске остаток горечи.

Пыль, поднятая порывом ветра, метнулась внутрь, когда

дверь салуна «Пылающий кактус» со скрипом распахнулась. Томас, сидящий возле столика с игроками в покер, посмотрел на входящего.

На пороге возник шериф Баббит. Его опрятный мундир и тяжёлый ремень с кобурой сразу выделяли его среди завсегдатаев. Внутри царил полумрак, разбавленный косыми лучами заката, пробивавшимися сквозь мутные окна. В воздухе витал густой запах виски, табачного дыма и пота. У стойки, протирая стакан засаленным полотенцем, стоял бармен — коренастый мужчина с седой щетиной и цепким взглядом. Его звали Хэнк Доусон; он знал каждого в округе и умел хранить чужие секреты — за умеренную плату.

Баббит неспешно подошёл к стойке.

— Вечер, Хэнк, — коротко бросил он, не повышая голоса.

— И тебе того же, шериф, — отозвался бармен, едва заметно склонив голову. — Как дела в городе?

— Тихо, — ответил Баббит, скользнув взглядом по залу. — Пока тихо. Дай мне стакан воды.

Хэнк молча налил воды из кувшина. Пока шериф делал глоток, глаза его снова обшарили помещение. В дальнем углу, в густой тени, сидел незнакомец. Лица почти не было видно из-за низко надвинутой шляпы, но Баббит знал: тот ждёт.

Шериф поставил стакан на стойку, чуть наклонил голову — едва уловимый кивок, который заметил бы только тот, кто знал условный знак. И тут же, словно по сигналу, незнакомец

неторопливо поднял руку, поправил поля шляпы и встал. Его движения были спокойными, лишёнными лишней суеты — так двигается человек, привыкший к опасности. Не оглядываясь, он направился к выходу. Дверь снова скрипнула, и незнакомец растворился в золотистом свете заката, оставив после себя лишь лёгкое шевеление пыли. Баббит ещё мгновение постоял у стойки, потом снова посмотрел на Хэнка.

— Как дочка? — бросил тот, как бы между делом.

Короткий вопрос Хэнка о дочери прозвучал скорее по привычке, чем из настоящего интереса. Шериф что-то буркнул. Хэнк не стал прислушиваться к ответу — просто кивнул, как делают старые приятели, когда шериф попрощался.

Томас наблюдал за происходящим будто сквозь мутную пелену — каждое движение шерифа отпечатывалось в сознании с пугающей чёткостью. Лёгкий, почти незаметный кивок шерифа посторонний бы не приметил. Но Томас приметил. Он не знал, кому предназначался знак и зачем. Может, шерифу нужно было, чтобы тот человек ушёл, а может, наоборот — чтобы он появился в нужном месте. Кто знает... От этой неясности в груди всё сильнее разрасталось липкое, тяжёлое чувство беды.

А ведь ещё совсем недавно, когда он брал у шерифа деньги — те самые, что теперь жгли карман своим недобрым теплом, — Томас убеждал себя, что это просто сделка, что он ничем не рискует. Теперь же казалось, что с той самой минуты, как он принял эту монету, он стал частью чужой, опас-

ной игры.

Через пару дней Томас выехал на прииск. Он решил проехать через ранчо Макберри. Тропа, ведущая к ранчо, сперва петляла между низкими холмами, покрытыми жёсткой, выгоревшей на солнце травой. Здесь не было следов привычного хозяйства: ни заборов, ни коновязей, ни сараев — только дикая земля и редкие кусты, цеплявшиеся за камни. Только ближе к ранчо появлялись выгоны, где бродили коровы и стояли одинокие стога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.